

Из опыта оценки последствий переселений в отечественной литературе в конце XIX — начале XX в.

Валентина М. Моисеенко¹

1 Независимый исследователь, Москва, 119991, Россия

Получено 10 January 2019 ♦ Принято в печать 24 April 2019 ♦ Опубликовано 30 June 2019

Цитирование: Moiseenko VM (2019) Assessments of the effects of permanent internal migration in the Russian literature at the late 19th and early 20th centuries. Population and Economics 3(2): 10–21. <https://doi.org/10.3897/pop econ.3.e37973>

Аннотация

В условиях аграрного кризиса в России (СССР) во второй половине XIX — первой трети XX в. большое внимание в общественно-политической литературе уделялось переселениям крестьян в многоземельные районы, преимущественно за Урал. Менявшиеся в этот период характеристики переселений и переселенческой политики определили различные методы оценки последствий переселений¹. Опыт второй половины XIX — первой трети XX в. интересен не только динамикой оценки последствий, но и логическим завершением исследования этой проблемы. Известно, что и в наши дни последствия миграции остаются сложной и во многом нерешенной исследовательской задачей.

Ключевые слова

Переселения крестьян; оценка эффективности переселений; колонизация; благосостояние переселенцев; затраты капитала и труда на переселения.

Коды JEL: J0, J1, N5

Оценка последствий переселений в конце XIX — начале XX в.

В рамках первого этапа (1880-е — 1890-е гг.) ведущие ученые России поставили задачу оценки масштабов переселений крестьян с участием государства. Одним из первых В. И. Чаславский в 1875 г. противопоставил переселения негативным последствиям земельного отхода крестьян и определил переселения с помощью государства

¹ В литературе рассматриваемого времени термины «результаты», «итоги», «последствия» переселений не были четко разграничены, чаще всего они были синонимами.

как условие «прогресса в развитии народных сил и богатства» [Чаславский, 1875: 210]. А. И. Васильчиков, отстаивая необходимость организации государством переселений крестьян, утверждал: «Никакое поземельное положение, никакой аграрный и социальный строй не может быть признан совершенным, полным и прочным, если он не дополняется правильной системой колонизации». Общественные результаты переселения А. И. Васильчиков видел в «уравнении земельных наделов» и «правильном размещении населения» [Васильчиков, 1881: 321, 387].

Первые обследования крестьянских хозяйств в 1880-е гг. в Вятской и Рязанской губерниях [Романов, 1880; Григорьев, 1885] показали значительные масштабы переселений крестьян и их положительные результаты для переселенцев. В Алтайском округе — центре притяжения переселенческих потоков — был отмечен рост благосостояния переселенцев по сравнению с благосостоянием крестьян в местах выхода и сибирских старожилов [Чудновский, 1884]. Отметим, что эти выводы были сделаны на основе ограниченных данных, характеризующих положение переселенческих хозяйств, но по мере эволюции переселений возникла потребность в сведениях, охватывающих большую совокупность хозяйств.

На первом этапе сформировался подход к оценке важнейших результатов переселений с позиций интересов районов выхода на основе показателя масштабов переселений из Европейской в Азиатскую Россию. В 1880–1890-е гг. величина этого показателя оценивалась критически — как паллиатив решения аграрного вопроса. Считалось, что для улучшения положения крестьян «внутренних губерний» необходимо выселить около половины наличных жителей черноземной полосы. С учетом нереальности выполнения подобной задачи обращалось внимание на негативные политические последствия растущего малоземелья крестьян в Европейской России [Гурвич, 1888: 103–104]. В начале 1890-х гг. ежегодные масштабы переселений (в размере около 90 тыс. человек) также оценивались как непропорционально низкие по отношению к величине ежегодного прироста населения 50 губерний Европейской России (около 1 млн человек в 1885 г.). В то же время материальное содействие государства переселенцам считалось одним из самых «производительных затрат казны» [Исаев, 1891: 135–136, 142]. Противники переселений видели негативные последствия переселений в местах выхода в росте заработной платы работников и уменьшении доходности средних и крупных землевладений.

Но уже в начале 1890-х гг. все большее внимание исследователей стали привлекать интересы районов заселения. Так, переселение крестьян считалось необходимым условием освоения Сибири. Одним из результатов переселенческой политики государства должны были стать «зажиточные производители» «вместо разоренных пролетариев» [Ядринцев, 1892: 211–212].

Говоря об итогах первого этапа исследования результатов переселений, следует отметить возросшее участие государства в организации переселений (законы 1881 г. и 1889 г.), рост их масштабов, особенно в период деятельности Комитета Сибирской железной дороги (1894–1903), ведение переселенческой статистики (1894), создание Переселенческого управления МВД России (1897). Подходы к оценке последствий переселений учитывали изменения в положении хозяйств переселенцев в местах заселения по сравнению с местами выхода и масштабы переселений. Одновременно обосновывалась точка зрения о большой роли переселений в развитии районов заселения.

В рамках второго этапа (1900–1914) последствия переселений оценивались с учетом проведения столыпинской аграрной реформы. Увеличение масштабов переселений соответствовало общественному настроению, в частности позиции губернских земских комитетов [Нужды сельского..., 1902: 14–120]. В начале XX в. А. А. Кауфман, внесший существенный вклад в исследование переселений в России и по-разному на разных этапах оценивавший социально-экономическое значение этого процесса, в начале XX в. предложил рассматривать переселения «исключительно как факт реальной жизни». По мнению А. А. Кауфмана, переселенческая политика должна была, с одной стороны, облегчить переселения тем, кто не желал отказаться от мысли выселиться, а с другой — уменьшить число желающих переселиться. Кризис крестьянского хозяйства означал, что забота о переселении не должна была отвлекать от «коренных... более трудных забот о повышении крестьянского благосостояния и крестьянской культуры» [Кауфман, 1905: 349].

Углубленную оценку разнообразных последствий переселений в начале XX в. стимулировали существенный рост масштабов переселений и увеличившиеся расходы государства на переселения. Материалы, опубликованные сотрудниками Переселенческого управления, показали в основном последствия переселений в местах вселения. В их числе наиболее значимыми стали демографические последствия. Число семейных переселенцев и ходоков из Европейской России за Урал за 1885–1913 гг. составило 5159 тыс. человек, обратных (семейных) переселенцев 517 тыс. человек. Максимум переселений (744–682 тыс. человек) пришелся на 1908 и 1909 гг. — 744 и 682 тыс. человек соответственно [Кауфман, б. г.: 2–3]. Ежегодные государственные расходы на переселения увеличились с 3–4 млн руб. в период деятельности Сибирского комитета до 30 млн руб. в 1914 г. (исключая затраты самих переселенцев) [Кауфман, б. г.: 538]. Уровень благосостояния переселенцев в местах вселения был, как правило, выше по сравнению с местами выхода. Оброчная подать в Сибири за 1906–1913 гг. выросла с 6 млн до 13 млн руб. Посевная площадь в Азиатской России за 1908–1914 гг. увеличивалась ежегодно почти на 1 млн десятин. Экспорт масла в 1913 г. достиг 5 млн пудов в год стоимостью 75 млн руб. Сибирская железная дорога в 1913 г. получила 13,5 млн руб. чистого дохода. Под влиянием роста потребностей населения вырос сбор косвенных налогов [Журнал Комиссии..., 1917: 137–138].

В 1897 г. население 12 губерний и областей Сибири составляло 8184,4 тыс. человек, в 1917 г. оно оценивалось в размере 14 440,1 тыс. человек. Ежегодный прирост сибирского населения (3,8%) был почти в три раза выше прироста населения Европейской России (1,3%). Городское население Сибири росло в полтора раза быстрее по сравнению с городским населением Европейской России (соответственно 6% и 4%) [Огановский, 1921: 35–36]. Несмотря на деколонизацию Сибири в 1922–1924 гг., Всесоюзная перепись населения 1926 г. подтвердила большую роль довоенных переселений в росте численности населения Азиатской части СССР. Чистая миграция населения, т.е. разница между числом уроженцев других территорий СССР, прибывших в районы Азиатской части, и числом уроженцев районов Азиатской части, зарегистрированных в других районах, была определена в размере 1125,4 тыс. человек в РСФСР, в том числе 638,7 тыс. человек в Казахской ССР, 68,1 тыс. человек в Киргизской ССР, 1986,5 тыс. человек в Сибирском крае, 337,5 тыс. человек на Дальнем Востоке. Положительный прирост населения за счет миграции составил 196,3 тыс. человек в Узбекской ССР и 62,8 тыс. человек в Туркменской ССР [Всесоюзная перепись..., 1931: 174–175].

В то же время рост переселений выявил противоречивость результатов этого процесса. Масштабы переселений по-прежнему оценивались пессимистически. Из 50 губерний Европейской России за 1885–1901 гг. выселилось около 1,2 млн человек, в то время как естественный прирост сельского населения составил около 20 млн человек [Мануилов, 1905: 65]. Доля переселенцев в приросте сельского населения 50 губерний в 1895–1900 гг. составила 10,7%, в 1900–1904 гг. — 4,2%, в 1905–1909 гг. — 24,5%. Итогом стал вывод о невозможности решить аграрный вопрос с помощью переселений [Записка Председателя..., 1910: 83; Огановский, 1914: 62].

Обсуждение результатов обследования социально-экономического положения переселенцев, проведенного в 1911–1912 гг. и охватившего 447 поселков с 32 тыс. дворами, выявило их существенные различия в разных районах заселения [Кузнецов, б. г.: 69–83; Кауфман, 1915: 299–320 и др.]. Актуальной задачей была признана необходимость достижения устойчивого социально-экономического положения переселенцев. С начала XX в. все чаще возникали противоречия между переселенцами и сибирскими старожилами, переселенцами и коренными жителями Степного края и Туркестана, губерниями выхода и вселения. Согласование интересов губерний Европейской России с интересами губерний Азиатской России считалось более сложной задачей по сравнению с регулированием отношений стран эмиграции и иммиграции [Беркенгейм, 1902: 3]. Переселение не смогло, как предполагалось ранее [Васильчиков, 1881 и др.], предотвратить массовую эмиграцию из России.

Несмотря на противоречивые результаты переселений, концепция будущего развития Азиатской России учитывала положительные итоги переселений. В противовес переселенческой политике в предшествующие годы, охарактеризованной как самоделющая государственная задача, в 1910 г. была выдвинута идея широкой колонизации Азиатской России с участием государства [Симонов, 1917: 16]. Центр тяжести политики государства переносился с масштабов переселения на более высокое качество обустройства переселенцев. Для этого предполагалось преодолеть колебания взглядов на значение переселений.

Реализация концепции колонизации предполагала развитие производительных сил Азиатской России за счет выполнения комплекса агрокультурных, экономических и технических мероприятий по мелиорации земель, строительства дорожной сети, преодоления кризиса экстенсивных форм ведения сельского хозяйства и др. [Огановский, 1914: 308]. С учетом принятого западноевропейского вектора развития России проблему аграрного перенаселения Европейской России предполагалось решить с помощью индустриализации страны, хотя и медленной. Но поскольку индустриальный (городской) сектор экономики мог поглотить естественный прирост лишь частично, переселение избыточного населения в Азиатскую Россию рассматривалось в качестве «второго по величине фактора движения избыточного сельского населения» [Огановский, 1914: 61, 247, 306]. Одновременно необходимо было принять меры по защите земельных интересов старожилов и коренного населения.

Как видим, в рамках второго этапа был сделан существенный шаг в деле преодоления узкого подхода в оценке результатов переселения, учитывавшего преимущественно масштабы переселений из Европейской в Азиатскую Россию. Расширенный круг показателей, характеризующих результаты переселений, учитывал в первую очередь социально-экономическое развитие районов заселения. Вместе с тем в условиях возраставших расходов на переселения вопросы экономической эффективно-

сти переселений оставались неразработанными. Этот пробел в рамках третьего этапа попытались восполнить в конце 1920-х гг.

Оценка эффективности переселений в 1920-е гг.

После эпохи военного коммунизма введение законов, регулирующих внутренние и внешние передвижения населения, стало одним из необходимых условий новой экономической политики. Под давлением самовольного движения в РСФСР было открыто плановое переселение крестьян в многоземельные районы (1924).

Несмотря на очевидные трудности, интерес к переселениям крестьян в первые годы советской власти оставался большим, что подтверждает углубленная разработка вопросов колонизации Севера Европейской России на рубеже конца 1910-х — начала 1920-х гг. [Чиркин, 1917: 1–14 и др.]. Учитывая продолжительный период переселений в России и сохранявшееся в 1920-е гг. аграрное перенаселение и, как считалось, возросшие возможности плановой экономики, предлагалось в ближайшем будущем рассматривать переселение в качестве основы всех земельно-организационных мероприятий [Вошинин, 1921: 139]. В середине 1920-х гг. возросло внимание к теории и методологии колонизации и переселений, обобщению опыта переселенческого дела в России. Результатами колонизации предлагалось считать: 1) степень освоения свободных пространств; 2) уровень развития крестьянского хозяйства в колонизируемых районах; 3) экономические достижения народного хозяйства этих районов [Ямзин, Вошинин, 1926: 53]. При всей неопределенности отдельных формулировок (степень освоения свободных пространств и т.п.) была поставлена задача перехода к качественно новому этапу колонизации в СССР.

Однако в конце 1920-х гг. переселенческая политика советского государства начала коренным образом меняться. Попытки продолжить переселения проявились, с одной стороны, в стремлении включить их в первый пятилетний план (1926–1931), а с другой — в углубленном исследовании экономических последствий переселения с целью его «целесообразной постановки».

Планирование переселений означало необходимость оценки эффективности этого процесса для социалистического сектора экономики. Судя по одному из вариантов пятилетнего плана (1928), эффективность переселений определялась для двух этапов — предстоящей пятилетки и на более отдаленную перспективу. Сдержанная оценка последствий переселений в рамках первой пятилетки учитывала ограниченные возможности этого процесса в решении зерновой проблемы в стране, обострившейся в конце 1920-х гг. Отметим, что данные обследований переселений в рассматриваемое время отсутствовали. Планировавшиеся на пятилетку затраты и потери, связанные с переселением, включали следующие статьи: затраты на подготовку земельного фонда, транспортирование переселенцев, их культурно-бытовое устройство; потери от недосева земель в местах выхода; невозвращенные ссуды и убытки от взимания низких процентов по ссудам. В общей сумме затрат (она планировалась в размере 509872,1 тыс. руб.) наибольшими предполагались затраты на подготовку земельного фонда (210948,0 тыс. руб.) и культурно-общественное устройство переселенцев (133132,7 тыс. руб.) [Гохберг, 1929: 31].

Методологически более сложная оценка доходов от переселения включала производство новых товарных ценностей, полученных в сельском хозяйстве, уменьшение

потребления в районах выхода и развитие окраин. С учетом реального положения переселенцев в первые годы после вселения более значительные доходы от сельского хозяйства предполагалось получить только во второй пятилетке, что ориентировочно соответствовало довоенным исследованиям динамики эволюции экономики переселенческих хозяйств в местах вселения. Относительно медленное развитие переселенческих хозяйств, как планировалось, должен был компенсировать рост ранее вселившихся переселенческих хозяйств. Отмечалось также, что урожайность при «исключительно экстенсивном зерновом хозяйстве» в течение первого пятилетнего плана не могла быть высокой, так же как и уровень товарности хозяйств (20%). Коллективизация должна была охватить 25% переселенческих хозяйств [Гохберг, 1929: 34]. В действительности планировавшиеся показатели коллективизации переселенческих хозяйств существенно отставали от реальных величин в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

Значительный интерес в варианте плана 1928 г. представляют выводы, связанные с получением потенциального дохода «от развития окраин». Заметим, что емкое понятие «развитие окраин» предполагало различные этапы изменения динамики экономики этих территорий. В рассматриваемом варианте планировалось получение дополнительных товарных ценностей в районах, где сельское хозяйство переселенцев служило «только подспорьем». Как видим, речь шла о попытке реализовать концепцию промышленной колонизации Урала, Карело-Мурманского края и Севера Европейской части РСФСР, создание которой, как мы отмечали выше, началось в конце 1910-х гг. В рамках этой концепции переселение должно было сыграть большую роль, обеспечивая рабочей силой промышленность, в том числе разработку лесных массивов. Состав переселенцев, как планировалось, должен был соответствовать структуре местных жителей, в доходах которых, по данным бюджетного обследования Уралстатуправления за 1924/25 год, сельское хозяйство составило 54,7%. Остальная часть приходилась на промышленность и промыслы. Следовательно, речь шла о переселенцах, которые должны были обеспечить в рассматриваемых районах взаимосвязанное развитие промышленности и сельского хозяйства, рассматривавшееся как необходимая продовольственная база индустриализации.

В итоге, согласно ориентировочному расчету, доходы социалистического сектора экономики от переселения должны были достичь 688 537 тыс. руб., в том числе за счет добавочных ценностей в сельском хозяйстве — 100 078 тыс. руб., промышленных ценностей — 454 750 тыс. руб., уменьшения потребления в местах выхода — 133 729 тыс. руб. Следовательно, чистый доход от переселения планировался в размере 178 683 тыс. руб., в формировании которого, как видим, существенную роль должна была сыграть занятость в промышленности [Гохберг, 1929: 35–37]. Таким образом, планировавшаяся структура доходов на 1926–1931 гг. от переселений отражала в первую очередь последствия промышленной колонизации.

В то же время в рассматриваемом варианте пятилетнего плана обращалось внимание на большие позитивные сдвиги в росте и структурных преобразованиях экономики в результате заселения окраин в последующие десятилетия за счет роста добычи разнообразных полезных ископаемых, создания путей сообщения и собственной продовольственной базы, разработки лесных массивов. Развитие зернового хозяйства в заселяемых районах позволяло расширить посевы технических культур в старых районах заселения и, следовательно, улучшить состояние сырьевого рынка. Исходя из опыта США и Канады, освоение новых районов рассматривалось как толчок для развития промышленности в старых районах. В этих условиях переселение долж-

но было стать «одним из рычагов реконструкции сельского хозяйства, а не простым расселением избыточного населения» [Гохберг, 1929: 37–38].

Однако, как уже отмечалось, в конце 1920-х гг. отношение государства к переселениям индивидуальных крестьянских хозяйств коренным образом изменилось. Формальным основанием для этого стала неудовлетворительная оценка состояния переселенческого дела. Правда, крайне ограниченное время, прошедшее со времени начала организации государством переселений, неизбежно означало появление большого числа вопросов, требовавших решения. Однако уже летом 1927 г., т.е. через три года после начала планового переселения (1924), комиссия наркомата земледелия РСФСР выявила существенные «дефекты» в организации переселений. В местах выхода «дефекты» состояли в движении десятков тысяч разрозненных крестьянских хозяйств, в местах вселения — в неудовлетворительном состоянии подготовки колонизационного фонда и хозяйств переселенцев и др. Особенно сложным оказалось положение переселенцев на Дальнем Востоке, где для формирования колонизационного фонда предварительно не были установлены нормы землевладения [Большаков, 1928: 2–3, 5–6].

Критические выводы комиссии наркомата земледелия РСФСР о состоянии переселенческого дела были предсказуемыми. Показатели переселения в 1920-е гг. существенно отличались от дореволюционных: сократились масштабы переселений и расходы на переселения. В первые годы советской власти было ликвидировано Переселенческое управление. Часть работников переселенческих органов, вновь созданных в 1920-е гг., предубежденно относилась к дореволюционному опыту. Нельзя не отметить, что выявленные «дефекты» касались фундаментальных вопросов организации переселений. Их устранение требовало значительного времени и средств. Считалось также, что роль переселений объективно могла возрасти в связи с индустриализацией Сибирского края, освоением Приморья и необходимостью расширения производства товарного зерна [Жданов, 1928: 65].

Учитывая «остроту вопросов хозяйственной политики», связанных с переселением за Урал, в конце 1920-х гг. была предпринята попытка внести изменения в организацию переселения на основе его «целесообразной постановки». Ключевая идея — повысить производительность переселенческих хозяйств, проанализировав эффективность затрат капитала и труда на переселения, была рассмотрена с помощью дореволюционных материалов, поскольку наряду с организационным опытом объем и качество таких материалов превосходили сведения о переселениях в СССР в 1920-е гг. [Жданов, 1929: 31]. Заметим, что в советские годы не публиковались ежегодные сведения о постатейных расходах государства на переселения. Материалы обследования переселенческих хозяйств, проведенного в 1928 г. НИИ землеустройства и переселения (бывшим Госколонитом), остались неопубликованными в условиях острой критики работ института в конце 1920-х гг. и последовавшей вскоре его ликвидации. Их судьба в настоящее время неизвестна.

Анализ эффективности затрат капитала и труда на образование переселенческих хозяйств и результатов, полученных переселенческими хозяйствами, требовал решения ряда методологических вопросов. В отличие от интересов переселенческих хозяйств, решавшихся сравнительно легко в силу их определенных границ и привлекавших внимание еще в дореволюционное время, речь шла о связи переселений с народнохозяйственными (общественными) интересами. Такой подход означал увеличение количества и изменение характера элементов, подлежащих анализу, сравнению

и оценке. Теоретически в число элементов, влиявших на переселения, входили затраты на сооружение Транссибирской железной дороги и ирригацию Средней Азии. Не менее важным было влияние других элементов — величины затрат на переселения, состава переселенцев, природно-хозяйственных условий района заселения, организации переселенческого дела и др. Еще более сложной была задача, связанная с оценкой результатов переселения. Показателями результатов переселений могло быть число осевших переселенческих хозяйств и их производительность, а также сложные экономические процессы, связанные с колонизацией новой территории и означавшие влияние переселений на уровень развития сельского хозяйства, промышленного роста, транспорта и т.д.

В данном случае нельзя не отметить сложность исследовательской задачи, методология анализа которой в дальнейшем вынужденно упрощалась, основывалась на допущении определенной условности ряда оценок и значительном ограничении круга изучаемых явлений. Так, из большого числа факторов, влиявших на переселения, анализировались затраты капитала, непосредственно использованного на их организацию. Результатами таких затрат считались накопление и производительность переселенческого хозяйства, образование которого связано с применением этого капитала в зависимости от района водворения. Основой количественного исследования стали данные за десятилетие 1906–1915 гг. по шести областям и губерниям, расположенным в Сибири и Северном Казахстане (Томской, Тобольской, Енисейской, Иркутской, Семипалатинской и Акмолинской). Хотя принцип отбора специально не объяснялся, но были заселены важнейшие с точки зрения колонизации территории [Жданов, 1928: 66, 68–69].

Не вдаваясь в подробное изложение дальнейшего анализа эффективности капитальных затрат на переселения, сошлемся на его итоги, имея в виду, что мощность различных типов хозяйств рассматривалась как показатель эффективности переселения, а поправки в данные о продуктах земледелия относились к III и IV полосам заселения [Жданов, 1928: 77].

Таблица 1. Относительная производительность территории, труда и капитала в переселенческих хозяйствах различных зон Западной Сибири и Северного Казахстана в 1906–1915 гг. (в % к хозяйствам в Западно-Сибирской лесостепи)

	Валовая продукция		
	на единицу сельскохозяйственной площади	на единицу труда	на единицу основного капитала
1. Западно-Сибирская лесостепь	100	100	100
2. Степь	106	71	54
3. Восточно-Сибирская лесостепь	99	53	55
4. Урман и тайга	71	25	50

Источник: [Жданов, 1928: 76].

Согласно данным табл. 1, производительность земли, труда и капитала встретила «сопротивление со стороны физико-географических условий местности заселения».

Наиболее проблемными с точки зрения экономической эффективности были хозяйства, расположенные в зонах Восточно-Сибирской лесостепи, урмана и тайги. Более наглядно различия в экономической эффективности между районами заселения видны из данных табл. 2.

Таблица 2. Уровень развития переселенческих хозяйств в различных зонах заселения в 1906–1915 гг.

	Основной капитал		Валовой доход от сельского хозяйства		Условно-чистый доход от сельского хозяйства		Отчуждение	
	руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%
1. Западно-Сибирская лесостепь	841	100	652,4	100	325,0	100	139	100
2. Степь	666	79,2	508,6	78,0	235,4	72,4	99	71,2
3. Восточно-Сибирская лесостепь	623	74,1	485,2	74,4	219,3	67,5	57	41,0
4. Урман и тайга	388	46,1	261,6	40	110,0	33,8	-	-

Источник: [Жданов, 1928: 79].

По оценке Б. Н. Жданова, благосостояние переселенцев в среднем только в последнее предвоенное пятилетие достигло уровня, типичного для среднего хозяйства Европейской России. Переселенческие хозяйства, обследованные после 1910 г. (по ценностной оценке продукции и капиталов), почти выдерживали сравнение с крестьянскими хозяйствами черноземной полосы Европейской России. В то же время урманно-таежная полоса отставала от крестьянских хозяйств черноземной полосы Европейской России и в эти годы. Товарного типа достигли только хозяйства (когорты хозяйств с продолжительностью вселения от 3 до 18 лет), расположенные в Западно-Сибирской лесостепи и степи, в то время как хозяйства урманно-таежной зоны ввозили хлеб и были слабо оснащены основным капиталом. Считалось, что такие выводы должны были стать важным ориентиром при организации переселений на рубеже 1920–1930-х гг.

Принципиальное значение в конце 1920-х гг. имел вопрос о величине и источниках финансирования переселений. В целом переселение крестьян в дореволюционное время оценивается как «затратный» процесс для государства. В среднем расходы государства на переселенческое хозяйство увеличились с 75,6 руб. в 1885–1889 гг. до 1216,2 руб. в 1910–1914 гг. Особое внимание привлекла также динамика денежных средств самих переселенцев, роль которых в предвоенные годы выросла, благодаря совершенствованию организации переселений, созданию более благоприятных условий для ликвидации хозяйств в местах выхода, сокращению путевых издержек и др. В итоге обследование 1911–1912 г. в Томской губернии показало увеличение чистого капитала переселенческого хозяйства со 108,8 руб., вселившегося 21 год назад, до 423,81 руб., вселившегося менее 3 лет назад. В структуре личных средств переселенцев существенную долю (более ¼) составляла выручка от продажи земли [Жданов, 1928: 80].

Сократившиеся затраты государства на переселенческое хозяйство в советские годы (в Сибири до 1100–1200 черв. руб.) и значительно уменьшившиеся средства переселенцев позволили сделать вывод о том, что условия финансирования и организация переселений в 1920-е гг. были намного хуже довоенных. Уровень организации переселений и экономический уровень переселенцев «не давали оснований думать, что эффективность затрат на переселение будет выше довоенной» [Жданов, 1928: 81–82]. Столь осторожные оценки не могли скрыть драматизм положения переселенцев в конце 1920-х гг. В условиях уменьшения финансирования, а также влияния других факторов, в том числе национального, возможность Казахстана увеличить сбор зерна выглядела сомнительной. Поскольку переселения в Степной район были признаны одними из наиболее эффективных, предлагалось решать проблему развития зернового хозяйства на основе организации переселенческих хозяйств в Степной полосе и использования остатков колонизационного фонда в лесостепи [Жданов, 1928: 81–83]. Эти выводы рассматривались в качестве практических результатов анализа эффективности и трудоемкости затрат на переселения. Но в научном плане была очевидной их ограниченность, поскольку анализ не выходил за рамки зависимости эффективности труда и капитала от района водворения переселенцев.

Более широкий взгляд на проблему изучения эффективности затрат на переселения означал учет особенностей переселения как социального явления. Принципиальным стал вывод о том, что низкая эффективность затрат капитала и труда на переселения не означает «отмену» переселений, поскольку прежде всего необходимо «отменить» причины, вызывающие переселения. В то же время объективный характер переселений не «отменял» поиска оптимальных форм организации этого процесса, т.е. выбора территории заселения, размера и структуры капиталовложений, разработки системы переселенческих мероприятий и т.д.

Сложная дифференциация факторов, влиявших на эффективность капитала и труда, требовала разработки специальной методологии, особенно при расчете народнохозяйственной (общественной) эффективности затрат на переселения. Предложенные направления для решения столь сложной задачи не потеряли своей актуальности и в современных условиях (при необходимости трансформации применительно к разным видам миграции, включая международную). В их числе — влияние прироста капиталов и продукции в районах вселения на экономическую эффективность переселений, трудоемкость затраченного капитала, сравнение уровня благосостояния в районах выхода и вселения, воздействие переселений на экономику районов заселения и выхода и др. [Жданов, 1929: 32–34, 40].

В итоге предложенный подход к переселениям как социальному явлению принципиально отличался от утверждавшегося в конце 1920-х гг. упрощенного представления об этом процессе. Но исследования эффективности капитала и труда остались не замеченными современниками и, следовательно, не получили поддержки и развития. Однако для современного читателя такие исследования — нелишнее напоминание о сложном пути развития науки, ее зависимости от многих обстоятельств.

Источники

Беркенгейм А. М. 1902. Переселенческое дело в Сибири (по личным наблюдениям и официальным данным). М. 62 с.

- Большаков М. 1928. Дальневосточное и сибирское переселение (по материалам обследования Наркомзема РСФСР) // Вестник землеустройства и переселения. 4: 3–44.
- Васильчиков А. И. 1881. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. II. Изд. 2-е. СПб. 394 с.
- Вошинин В. 1921. Переселение // О земле. Вып. 1. Сборник статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. М. С. 126–142.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года. 1931. Т. 51. Табл. V. М. С. 174–175.
- Гохберг Г. 1929. Переселение и его влияние на народное хозяйство // Вестник землеустройства и переселения. 6: 20–38.
- Григорьев В. Н. 1885. Переселения крестьян Рязанской губернии. С отзывами А. И. Чупрова и А. И. Кошелева. М. 194 с.
- Гурвич И. А. 1888. Переселение крестьян в Сибирь. Исследование. М. 149 с.
- Жданов Б. Н. 1928. Об эффективности и трудоемкости затрат на переселение // Северная Азия. 4: 65–83.
- Жданов Б. Н. 1929. К вопросу об изучении затрат на переселение // Вестник землеустройства и переселения. 4: 31–45.
- Журналы Комиссии по вопросам переселения и колонизации. 1917. Заседание 7 августа 1917 года // Вопросы колонизации. Период. сборник. Под ред. Г. Ф. Чиркина. 20: 136–167.
- Записка Председателя Совета Министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. 1910. СПб.
- Исаев А. А. 1891. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб. 192 с.
- Кауфман А. А. 1905. Переселение и колонизация. СПб. 439 с.
- Кауфман А. А. Б. г. Переселение и переселенческий вопрос в России. Переселенческая статистика // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. Т. 31. М. С. 1–7.
- Кауфман А. А. Б. г. Переселения и переселенческий вопрос в России // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. Т. 31. М. С. 506–547.
- Кауфман А. А. 1915. Переселенцы на новых местах. По данным новейшего правительственного исследования. В кн. Кауфман А. А. Община. Переселение. Статистика. М. С. 299–320.
- Кузнецов В. К. Б. г. Экономические результаты переселения в Сибирь и на Дальний Восток. Вопросы колонизации. Период. сборник. Под ред. Г. Ф. Чиркина и А. Ф. Успенского. 2: 69–83.
- Мануилов А. А. 1905. Поземельный вопрос в России. Малоземелье, дополнительный надел и аренда. М. 196 с.
- Нужды сельского хозяйства и меры их удовлетворения по отзывам земских собраний. 2-е изд. 1902. 120 с.
- Огановский Н. 1914. Закономерность аграрной эволюции. Т. III. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос. Саратов. 334 с.
- Огановский Н. П. 1921. Народное хозяйство Сибири. Эпизодический курс лекций, прочитанных на кооперативных курсах для слушателей и рабочих кооперативных организаций гор. Омска в феврале — марте 1920 г. [Омск]. 175 с.
- Романов Н. Н. 1880. Переселения крестьян Вятской губернии. Вятка. 336 с.
- Симонов М. 1917. О направлении колонизационной деятельности в ближайшем будущем // Вопросы колонизации. Период. сборник. Под ред. Г. Ф. Чиркина. 20: 15–22.
- Чаславский В. И. 1875. Земледельческие отхожие промыслы в связи с переселением крестьян (с картою). В кн. Сборник государственных знаний. Под ред. В. П. Безобразова. Т. II. СПб. С. 181–211.

- Чиркин Г. 1917. Колонизационные задачи на Русском Севере // Вопросы колонизации. Период. сборник. Под ред. Г. Ф. Чиркина. 20: 1–14.
- Чудновский С. Л. 1884. Переселенческое дело на Алтае (Статистико-экономический очерк) // Записки Восточно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. Том 1. Вып. 1. Под ред. Г. Н. Потанина. Иркутск. 1884. 154 с.
- Ядринцев Н. М. 1892. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. и доп. СПб. 720 с.
- Ямзин И. Л., Вошинин В. П. 1926. Учение о колонизации и переселениях. М.-Л. 328 с.

Сведения об авторах

- Валентина М. Моисеенко, доктор экономических наук, независимый исследователь. E-mail: mvm.msu@gmail.com